
Лицом уткнуться в стопку полотенец –
Мороз и хвоя и немного хлора.
Беззубым ртом агукает младенец,
В молочной каше будущее слово.

Теперь опять считать деньки до мая
И цокать языком по-деревенски.
Так токает утюг, металл сжимая,
Так звенькает, сдвигаясь, занавеска.

Зимой страшно печь закрыть с угаром
И ждешь, когда угли погаснут в печи.
Задремлешь, а короткий стон гитары
Окликнет вдруг совсем по-человечьи.

Я ушел в нору на поле нашем
И пришел на поле гостем после.
У меня глаза другие стали,
У меня и голос изменился.
Все, чему меня учили раньше,
Этот опыт мне не пригодился.
Все, что ты рассказываешь дальше, –
Прах по праху, вилы по водице.
Я стою перед тобою, папка –
Черный гвоздь с позеленевшей шляпкой.
Как мне надо было пригвоздиться?
Где мне лучше было пригодиться?
То не злость, я разучился злиться.
Добрые у нас с тобою лица.

Шестого творческого дня
Отпустят, может быть, меня,
Приду на берег.

И тоже сяду у огня –
Колени, косточки, синяк.
Какой я зверик?
Качаю память из волос,
Улиткой катится вопрос
По слизи взора.
И хочется творить хаос,
Сжимая, разжимая горсть
На монотонные узоры.

Как помню я себя, я был не пекарь.
Но у плиты готовил человеку –
Другому и себе. Мука и мўка,
И соль, и сахар, и слеза от лука,
И дым столбом. Но чаще получалось,
И трапеза велась и не кончалась,
И смех звенел в фарфоровой посуде.
Я был хороший, поваров не судят.
Я уважал тогда смешные руки.
Спасибо вам, мои смешные руки,
За вашу храбрость над плитой горячей,
За неповиновение страху зрячих,
От первого блина, что вышел комом,
До «блин» последнего на кухне незнакомой.

Я помню Еву звуком в коридоре,
Упрямым волосом, звенящим по пробору.
В мороз без шапки, и в аудиторию

Влетает звонкий серебристый ворон.
Но оземь ударяются мужчины.
Не превратятся, падают мужчинами,
Встают мужчинами. Я вспоминаю Раду
И карандаш для губ, который контур,
Он переходит в буквы по известке:
Привет, Саин, ответь, Дарине Ондар.
Когда поплыли коридоры слезкой, –
Да все нормально, разберемся сами, –
Его не помню. Только рот полоской.
И свитер с новогодними лосями.

Эта буква разломана в черточки.
Раздербанена буква на палочки.
Я над буквой присяду на корточки
И подумаю,
Что же теперь.
И, наверно, чего-то придумаю.
Может, сделаю крепкие саночки.
И сыскаю высокую горочку,
Злую-злую,
Как дикий зверь.
И лети, белое, лети, синее, лети, зеленое,
Елки-палки, снегири, «жигули» застрявшие,
Лети, библиотека и разговоры ваши говенные,
Или не ваши, а наши – ну наши же?
Все колдобины мои, все пни.
Как весело, весело! Какие веселые дни.

Однажды я стану прожженной поэткой.
На очередном поэтическом слете
Сквозь зубы советовать: «Знаете, детка,
А может быть, в прозе себя вы найдете?»
И харя моя будет нежно-надменной.
А ты уже вовсе почти старикашка.
В тени тополей просипишь мне: «Елена...»
И будешь над рифмой капризною кашлять.
Ты станешь слезливей, но с прежним запалом –
Так с юностью схожа пора увяданья...
Вздохну, головой покачаю устало:
«Малыш, ну зачем эти... страданья?»

Запишусь на наращивание ресниц,
Потому что тебе душа моя не нужна.
Сделаю окрашивание балаяж,
Потому что тебе душа моя не нужна.
Куплю золотой браслет,
Потому что тебе душа моя не нужна.
Буду бегать по утрам и качать пресс,
Потому что тебе душа моя не нужна.
Сердце мое дюймовочка.
Однажды мы улетим на ласточке.

С этим платком спала, как с тряпичной куклой.
Грубый чужой мужлан, протянувший руку
В час, когда я зажимала собою муку,
Просто ладонью, телом, всея собою,
Грубый мужлан принес мне наутро кофе,
Грубый мужлан сказал: ни фига, прорвемся.
Буквы кружили, буквы хотели крови.
Но ни фига, прорвемся. И рвется, рвется.

Мама ковер привезла,
Нас и ковер.
Тот, что им бабка моя подарила на свадьбу.
Мама с отцом развелась и ковер увезла.
Нас и ковер увезла, привезла, расстелила.
Глаз загогулиной шел по конькам-горбункам,
И вспоминалось, как папа на ногу больную,
Там, где шипица уколom мышьячным цвела
Синим-пресиним и в черное уходила,
Дул где-то сутки, чтоб я не ревела зверьем.
(Бесит меня, что пишу я зачем-то стишочек,
Бесит, что надо работать над строчкой, капец.)
В общем, вперед пролистаем, листаем не глядя.
Старый ковер в гараже на стене повисел,
После его под бассейн натяжной постелили.
Август, убрали бассейн, сквозь ковер проросла
Всякая травка, полынь, лебеда и колючка.
Вот я сию и пропалываю ковер.
Целый стишок наполола, учитесь, салаги.

Лети, лети, я дальше не смогла.
Бегите в лес, испуганные зайцы.
Договора закрытых быстрозаймов,
Где я строчила в угол из угла
На оборотной стороне листа
Убористо, размашисто и всяко.
Я жить хочу, я буду жить, бояка.
Ни шагу по воде, прости, вода,
Лети, зима, куда-нибудь туда,
Где все двоилось, кончилось двойко.
Лети, весна, туда же. Дайте якорь.
Я буду долго этой цепью звякать,
И слезы лить, и в пустоту кивать.
И звенышки, как губы, целовать.